

Предисловие читателя

Знаатоки, пожалуй, удивятся, а то и возмутятся. И в самом деле.

У автора этот рассказ шёл под заголовком «Великая сушь».

Я скачал его и не упомяну где. Долго не доходили руки, а когда дошли — сразу и опустились: ошибка на ошибке, да и Рыбаков ли это писал. Обычное, впрочем, дело. Сканируют книги одни, потом у них передирают все кому не лень. Вот и плодятся ошибки, описки, опечатки: где — сканирующих программ, где — чьи попало.

Благо, если ещё такое берёшь даром. Но подозреваю, и за денежки приобретёшь — будет то же самое. Да ведь и по печатной-то продукции уже грамоте учиться рискованно. Не хотят платить корректорам. Все хотят деньги делать.

Впрочем, ныне принято это называть — зарабатывать.

Но ближе к делу.

Вячеслава Рыбакова читали в советском прошлом нарасхват, как и многих таких, пишущих в популярных жанрах, и не занудно. То был — дефицит. А как дефицита не стало, так вроде и читать стало нечего. Оно и есть, да всё не то. Великая сушь, воистину. Или уже потоп?

А ведь было и начало.

Оно-то всегда будет.

Но не всегда — для нас и при нас.

Хотя кое-что и от нас зависит.

Вячеслав Рыбаков Начало

И все звезды будут точно старые

колодцы со скрипучим воротом.

И каждая даст мне напиться...

Антуан де Сент-Экзюпери

Медленно наступал вечер — прозрачный и тихий вечер Солы. На поверхности мутного, непрозрачного моря, широко разметнувшегося в трехстах метрах под нами, разгорались слепящие блики. Прищурившись, я смотрел на огромный диск Мю, висящий над чуть выпуклым кипящим горизонтом. Завтра улетаем. Завтра. Я стоял у прозрачной стены диспетчерской и просто смотрел.

У меня за спиной почти беззвучно раскрылась дверь. Я выждал секунду и спросил;

— Ну?

Тяжелые шаги прошаркали к столу, и после паузы смертельно усталый голос сказал:

— Пришлите еще кофе в диспетчерскую...

Я обернулся.

Он уже громоздился в кресле — огромный, ссутулившийся, с обвисшими коричневыми щеками Дрожащая рука его в ожидании висела над столом.

По столу шаркнула искра, и большая, вкусно дымящаяся чашка возникла там, где ее ожидали. Но его рука не шевельнулась, словно он забыл и о кофе, и о ней.

Да, подумал я, он надеялся, что я ошибся. Тогда все было бы просто. Три недели, с первого своего дня пребывания на Соле, когда он узнал от меня, что произошло, он надеялся, что я ошибся. И по мере проверки он загонял эту надежду все глубже, старался подавить, не обращать на нее внимания... Не смог...

— Все так, — сказал он.

Я ничего не почувствовал. Надежды уже не было.

— Время вероятной биологизации с учетом фактора мутагенной подкормки... порядка возраста Вселенной, — медленно сказал он.

Я отвернулся.

Диск Мю распухал, становился рыжим, тонкие лезвия облаков распорили его натрое, и эти лоскутья — осколки катастрофы, обрывки мира — медленно рушились в пылающее море.

Смешно, подумал я. Каких-то два века назад человечество, ютившееся на Земле, было уверено, что оно не одиноко. Стоило создавать надпространственные средства коммуникации, чтобы убедиться в обратном... Чтобы понять исключительность, уникальность, быть может, жизни вообще.

— Дельта тэ порядка сорока семи-пятидесяти миллионов лет, — сказал я.

Он покачал головой.

— У меня получилось шестьдесят.

Я пожал плечами.

Впрочем, это неважно, конечно, уже неважно... да.

— Сроки ликвидации защитного облака ты не считал?

— Н-нет. Я не успел, я только этим... А ты?.

— При равном напряжении ресурсов не меньше пятидесяти лет, — сказал я.

— Это уже бессмысленно.

Мы помолчали.

Да, думал я, защиту мы ставили тридцать лет. Большого человечество не в силах было сделать — это максимальное напряжение и максимальный темп — мы смогли это лишь потому, что верили: мы — успели. Мы успели поставить защиту в срок, за три месяца до встречи Сола с выбросом из Ядра, и двадцать семь миллиардов людей твердо уверены сейчас, что спасли эту планету. И себя... Своих потомков, которые смогут наконец стать не одиночками.

— Странно, — сказал он вдруг. — Как-то пусто... пропал стержень или пружина, что ли... и непонятно, что теперь. Знаешь, ведь, наверное, так будут чувствовать все...

— Наверное, — согласился я. — И это страшнее всего.

— Ты думаешь?

— Да. После такого краха всегда наступает период равнодушия.

— Все то ты всегда знаешь заранее...

Мы дружили еще с детства. Потому-то именно он прилетел сейчас. Это стало неписаной традицией: если инспектор допускал ошибку или оплошность, или просто что-то становилось непонятно, на контроль посылали его друга. Посторонний был способен проявить снисходительность, но друг не мог унижить...

Прижав кулаки к щекам, он медленно мотал головой из стороны в сторону.

— Пыль растеклась на сотни тысяч кубических астроединиц — проговорил он. — Не собрать.

— Не мучь себя, — сказал я. — Я ведь не сидел сложа руки пока ты проверял...

— Пытался нащупать? — впервые он поднял на меня глаза.

Я кивнул.

— Можно представить себе попытку перебросить излучение выброса сквозь возведенный нами щит, через надпространственные каналы ориентированные на Солу...

— Ну, это уже...

— Принципиально возможно, я считал. Но нам понадобится в этом районе Галактики энерговооруженность на два порядка превышающая ту, которой располагает сейчас человечество в целом. Можно представить себе колоссальную цепь гравигенераторов, которые искривят путь выброса на всем фронте, заставят его обогнуть облако, а затем вторую такую же цепь, которая нацелит его обратно на Солу. Скажу по секрету, когда мне это пришло в голову, я возмнил было, что решение найдено, потому что ведь выброс можно направить вслед планете, и он раньше или позже нагонит ее. Но выброс уже уткнулся в щит и гаснет в нем...

Он скорбно кивал. Его огромная размытая тень на дальней стене кивала тоже

— Какая глупость... — выговорил он. — Тридцать лет, выбиваясь из сил, губить то, о чем мечтали покои веков...

Я не ответил. Что тут можно было ответить? Сосущая пустота в душе не уменьшалась и не увеличивалась, она была — и мир лишился красок и теплоты, и все было тщетно, и хотелось спать и отдаться течению, которое несло по Вселенной нас одних, одиноких, — из пустыни в пустыню — беспредельно, безнадежно, бессмысленно... Боли уже не было. Боль — спутница борьбы — исчезает в миг осоз-

нения бессилия, и ее место занимает нечто. Сосущая пустота.

— У вас с этой девушкой, с дочерью его, что-то было? — осторожно спросил он вдруг.

— Нет.

Но ты... прости, что я спрашиваю, это, конечно, не имеет отношения... но все же.

— Но, кажется, я начинал хотеть чтобы — бы.

— Знаешь... Я чувствовал. Сразу что-то такое... А она?

Я пожал плечами.

— Послушай, что я хотел спросить... Ты с тех пор так и один?

— Я ведь все время как-то ждал, что она возвратится... А в какой-то момент вдруг с удивлением понимаешь, что уже не ждешь. И — хватит!

Я вернулся после инспекции на гидрокибернетические плантации Бунгуран-Бесара, и дом мой был пуст. Осенью. К стеклу веранды прилип влажный кленовый лист. Я посадил гравилет под самым кленом — уже почти оголенным печальным, с черной от влаги корой — откинул фонарь... И вместе с пряным, сырым воздухом в кабину ворвалось неповторимо сладкое ощущение родного дома — места, где ты нужен сам по себе, всегда, — пусть даже усталый, пусть даже раздраженный, — не как блестящий исполнитель, не как талантливый инспектор, не как интересный собеседник, не как влиятельное лицо в Контрольном отделе Комиссии капитальных исследований при Совете, не как надежный товарищ — как человек. Просто. Весь.

Я спрыгнул на податливую землю и, на ходу расстегивая куртку, вошел в сени, громко топая, чтобы она успела проснуться, понять, что я иду, сделать вид, что спит, и приготовиться встретить...

Семь лет прошло. Не знаю где она теперь с кем... Не сказала ни слова. Так тоже бывает...

— Лет пять прошло, да? — спросил он.

— Да, — устало ответил я.

— Железный ты. Ну скажи, что за дурацкая жизнь! Встречаешься с другом раз в пять лет — только для того, чтобы узнать, не причастен ли он к смерти человека. Суматоха. Торопимся, торопимся... и чем больше торопимся, тем больше теряем. Мы же за три недели ни словом не обмолвились ни о чем, кроме... вот этого всего...

Я так и не знаю, откуда он узнал тогда о моей беде. Он появился внезапно вечером того же страшного дня... Он был в это время на Плутоне. Прервал работу за пятнадцать минут до отправления на Фомальгаут, вошел в рубку рейсового лайнера и сказал: «Во мне нуждается человек» Рейс отложили, три тысячи пассажиров покинули

каюты, впервые гиперсветовые моторы были использованы внутри Солнечной системы.

Во мне нуждается человек... Этой формулы нет ни в каких законах и правилах, но с тех пор, как она стала магической, люди не решаются произносить даже похожие фразы, потому это сильнее правил и законов...

А нуждался ли я в нем? Он страшно раздражал меня: все время маячил рядом, требовал, чтобы я показывал ему все грибные места, и все ягодные места, и все рыбные места, божился, что будет приезжать ко мне каждое лето. И лишь неделю спустя, провозжая взглядом точку его гравилета, стремительно ускользающую в облака, я понял, как он мне помог.

— Не беда, — сказал я улыбнувшись. — Еще успеем.

— Слушай, я все хотел спросить. Он сделал это сразу... когда вы... сразу после?..

— Нет. Разве я тебе не рассказывал? Я показал ему расчеты, объяснил свою интерпретацию процесса. Мы вместе все проверили, и он не нашел ошибок. Он был, ну, потрясен — да. Но не настолько... Я был с ним еще несколько часов. Он... вел себя нормально.

— Значит — не порыв...

— Не порыв. Он был очень спокойным, сдержанным человеком. Очень ответственным человеком.

— Он решил, что виноват?

— Вероятно. Они здесь давно могли понять, если бы не шоры его теории. Она все подавила. Я ведь, в конце концов, пользовался их статистикой, а они все держали в руках, но не смогли перешагнуть... Глава школы, создатель теории биологизации, научный руководитель проекта... Он первым подписал заключение и рекомендации Совету о необходимости спасения Сола... Одно к одному.

— А она?

— Кто? — спросил я и тут же понял. — А...

Он помедлил.

— Она тоже считает, что он виноват?

— Нет.

— Она считает, что виноват ты?

— Нет.

— Ты говорил с ней после... этого?

Я вновь услышал крик. Как наяву. Как тогда, полтора месяца назад. Мы возвращались из бассейна. Я проводил ее. Она зашла к отцу. Я не успел дойти до лифта — вдруг из кабинета раздался этот крик. Я побежал и сразу понял, и проклял себя за то, что не предусмотрел. А ведь можно было... Можно догадаться, можно заподозрить, можно подстраховаться... Можно было не оставлять профессора

одного.

Я разжал кулаки. Пальцы были белыми, под ногтями таяла синева.

— Ты сам будешь рапортовать Совету? — спросил он.

Он вылетел сразу, как только мой рапорт о самоубийстве начальника биоцентра достиг Земли. Совет послал его на контроль. Проверять меня.

В Совете еще не знают всего. Не знают ничего.

— Если ты санкционируешь, — ответил я. — Формально я неправомочен с момента твоего прилета.

— А, перестань... Не представляю, как они объявят об этом во всеуслышание. Тридцать лет... И — люди. Здесь же люди гибли!

Его старший сын погиб здесь, на этой стройке. Я узнал об этом только позавчера. Случайно он обмолвился и перепугался сам...

На Стройке погибло больше ста человек. Такие авралы никогда не проходят без жертв. Мы очень торопились... И мы успели.

— Что будет... — болезненно проговорил он. — Что будет... Для чего жить теперь?... Каждый спросит так... Я не представляю... Кто теперь поверит Совету? Как смогут верить науке, даже друг другу?

Я пожал плечами.

— Может быть, существуют еще какие-то неучтенные факторы, которые опять повысят вероятность биологизации? — спросил он. — Может, мы еще не знаем всего?

— Может быть.

— Знаешь, Совет планирует долгосрочную экспедицию в Магеллановы облака. Об этом еще не болтают, но понемногу готовятся. Теперь, после... этого... подготовка пойдет быстрее, активнее. Ведь правда? Может быть, удастся что-то найти там. В конце концов, наша Галактика так мала.

— Прежде чем выбирать цель для экспедиций, следовало бы проанализировать, какие именно типы галактик обеспечивают по своим свойствам наибольшее количество биогенных выбросов, — перебил я его. — Туда нужно ориентировать поиски, понимаешь?

— Я понимаю, — медленно проговорил он. — Я понимаю значительно больше, чем тебе хочется, старый ты хрыч...

Он прав. Мне за пятьдесят. Треть жизни позади... И... И даже не в этом дело.

— Мы же ничего не сломали, — он, растопырив пальцы, поднес

свои тяжелые смуглые руки к лицу и уставился на них. — Ничего. Не поставь мы щит, разве жизнь наверняка зародилась бы? Нет. Существовала достаточно высокая степень вероятности, и только. Ведь ничего не известно наверняка, почему же так больно? А? — Он поднял лицо и, словно ребенок, заглянул мне в глаза. — Почему же так пусто и больно? Ведь ничего же, собственно, не изменилось, ведь даже в самом лучшем случае наш успех увидели бы лишь через полмиллиона лет... Я не понимаю... я этого не понимаю...

Болезненно тяжело было смотреть на него. Когда человек в таком состоянии, надо немедленно помочь. А как? Как помочь? У биохимиков в голове не укладывалось, что даже при самых благоприятных условиях никакая солнечная система не способна породить жизнь сама по себе. Мифы древних оказались верны — планета была женою Неба, — не Солнца даже, а именно Неба — всего космоса. Интуиция сработала там, где спасовали две с лишним тысячи лет развития науки.

Небо над Солрой стало глубоким, иссиня-голубым, оно быстро наливалось тьмой, и лишь над океаном дотлевало оранжево-желтое трепетное зарево.

Океан. Миллионы веков он ждал. Перемешивал, обогащал, фильтровал, расцветивал свои воды, готовясь к звездному мигу оплодотворения.

В пронзительной синеве над нами заискрились первые звезды. Мертвые звезды.

Какое разочарование подстерегало тех, кто впервые вышел за пределы Солнечной!

Альфа Центавра — ничего. Тау Кита — ничего. Эридан, Лебедь, Дракон, Парус — ничего... Ничего! Пустота. Одиночество.

Как понять умом это ощущение непереносимого одиночества, которое испытывают двадцать семь миллиардов людей, заселивших планеты восьми звездных систем, исходивших всю Галактику и убедившихся, что у них есть только они сами — и никто, кроме них самих.

И вдруг — Сола.

Сорок два года прошло с тех пор, как Совет объявил о том, что найдена планета, на которой скоро повторится великое таинство возникновения жизни. Пусть лишь через многие века появится первая клетка, но мы обрели надежду, мы могли лелеять, пестовать, заботиться о рождающейся младшей сестре.

Забота... Добро..

Мир вокруг становился черным, последние теплые оттенки таяли. Холод... Я посмотрел было вверх и тут же опустил взгляд — над нами разгорались ослепительные вихри, мешанина сверкающего

крошева, которое не суждено увидеть ничьим глазам, кроме человеческих. В детстве я так любил смотреть на звезды. Они манили восторгом неведомой дали... Но эта даль оказалась мертвой. И как только я повзрослел достаточно, чтобы осознать этот ужас безжизненности и пустоты, я перестал смотреть на небо.

Тридцать лет человечество жило Стройкой. Можно было прилететь на Денеб и, разговорившись в зале ожидания со стариком, транзитом летящим с Бетельгейзе, спросить: «Ну, как там? Подтащили восемьдесят шестую?» И он немедленно ответил бы: «Как, вы разве не слышали? Уже ввели в заданный сектор и приступили к распылению!..»

Тридцать лет.

Мы так могущественны. Мы так добры. Так умны и всезнающи. Нам не хватает только друзей.

И вот природа бросает нам шанс — планету, которая готовится стать матерью живого.

И буквально на следующий день дает понять, что этому живому не суждено родиться, что непредставимо нежная, едва теплящаяся завязь будет выжжена во чреве матери.

Мы так могущественны и хотим только добра.

Вот уже больше ста лет, как цель человечества — найти жизнь. Нам одиноко, нам беспросветно пусто во Вселенной, в которой мы — единственные...

И когда нашелся вдруг крохотный росток такой жизни, росток под угрозой уничтожения, — все человечество встало на его защиту.

Система Мю Змееносца должна была пройти сквозь мощный корпускулярный выброс из Ядра Галактики. Прохождение длилось бы немногим более ста семи лет — ничто по критериям мертвой материи, — но, согласно теории биолоизации планет, излучение сожгло бы протожизнь Сола.

Это была задача на пределе возможностей.

Любовь, которая живет только внутри того, кто любит, которая не спасает и не греет тех, кто вне, — погибает. Медленно. Незаметно. Обязательно и неизбежно. Мы это понимали. Угасшая любовь опустошает, как ничто другое в мире. Мы не могли позволить угаснуть нашей любви.

— Что же теперь? — снова услышал я.

— Надо погрузить материалы. Тело профессора... — я зашнуровался, — тоже.

— Да, вот что, — сказал он. — Я забыл... Она просила нас взять

ее с собой. Хочет быть с отцом... и позаботиться о нем на Земле.

— Ты с ней виделся? — медленно спросил я.

— Она звонила мне днем. Она звонила ему.

— Пусть летит, — сказал я спокойно.

— Ты должен увидеться с ней до отлета.

Я пожал плечами.

— Тогда я полечу туда и объясню ей все про тебя.

— Не глупи.

— Ты отвечай за себя, а я уж... да.

— Поступай, как знаешь.

Он помолчал, снова заглядывая мне в глаза, а потом отвернулся.

— Понимаешь, — глухо произнес он, — в такой момент, когда все рухнуло, — совершенно все, ты же видишь... — хочется, чтобы хоть что-то уцелело. Понимаешь? Хоть что-то. Это очень важно. Все связано. А ты даже для этого не делаешь ничего сейчас...

— Я делаю, — сказал я. И улыбнулся.

Тридцать лет человечество было счастливо.

Мы обманули себя. Все оказалось наоборот. Сто двадцать три человека погибли более чем напрасно. Цель оказалась хуже чем миром.

И настал мой черед. Черед стервятника, который приходит туда, где произошла трагедия, и с холодной настойчивостью выясняет, кто хотел добра недостаточно добросовестно. Мечтал недостаточно активно. Любил недостаточно грамотно. Моя работа начинается, когда мечта умирает.

Мы убили свою мечту.

Когда я вылетал сюда полгода назад, этого еще не знали. Даже здесь. Следившие за процессами в океане Соле работники биоцентра не понимали, что происходит. Горячие головы уже разрабатывали проекты ускорения эволюции жизни на Соле, чтобы не через миллионы, а лишь через тысячи лет появились крупные животные, потом — люди, но...

В ежемесячных отчетах биоцентра вдруг пропали нотки гордости, и Контрольный отдел решил подстраховаться.

Все оказалось наоборот. Именно на этой стадии протожизнь требует лучевой стимуляции. Многие планеты — я по памяти могу назвать четыре, на которых были обнаружены все условия для возникновения жизни и которые все же не дали жизни по непонятным тогда причинам, доходили до состояния Соле и оставались безнадежно мертвыми, потому что в должный момент не получали мутагенной подкормки извне. Когда-то ее, возможно, получила наша Земля. И вот теперь — неслыханное везение! — ее могла бы получить и Со-

ла, если бы не вмешались люди, которые хотели только добра.

И никто не был виноват. Странно.

— А помнишь, двое ребят из параллельного класса пытались бежать на Стройку?

Я помнил. Я разведывал для них план грузовых трюмов корабля, которым они решили добраться до Плутона, потому что имел доступ на космодром, к отцу. Я сам хотел бежать с ними, да ногу защемило люком, автомат которого был вскрыт для текущего ремонта и, по халатности техников, все еще задействован. Мне раздробило голень. Ребята ждали у ворот порта и, когда глайдер скорой помощи с воем промчался мимо них, вырубивая на санитарную полосу дороги, я ухитрился в приоткрытое окно швырнуть им скомканный листок с планом, где неисправный люк был обозначен, как положено, — черепом со скрещенными костями. Я выводил их еще там, в полутемном коридоре, опрокинутый на холодный пол, беспомощный, с мучащейся от нестерпимой боли головой.

— Помню, — сказал я.

— Неужели можно было что-то сделать?

Ничего, подумал я. Ничего. Если человек убежден, что на глазах у него гибнет его мечта, он не может не спасать. Он не может не помогать. Если б мог, в пустой Вселенной он чувствовал бы себя не изгнанником, а хозяином. И проблемы не возникло бы... И у нас не было выбора.

— Ничего, — сказал я.

— Да, — ответил он и тяжело вздохнул, словно малыш, успокаивающийся после слез. — Это как-то, понимаешь, не укладывается в голове, что-то в этом есть ненастоящее — что мы тридцать лет изо всех сил убивали все это, и так убили, что даже нет способа вернуть.

— По-моему, это ясно, — сказал я. — Осталось пятнадцать часов до отлета. Необходимо погрузить материалы, аппаратуру, чтобы, если там возникнут сомнения, сразу проверить всё. Надо, кроме того, привезти сюда его дочь...

— Да я же не об этом! Я — обо всем...

Человек не может не помогать. Даже если не уверен, что его помощь полезна. Иначе мы вымерли бы еще в пещерах. Это наш способ существования. Пока в нас живо человеческое, мы будем предлагать, навязывать свою помощь друг другу. И звездам. Вот он полетит сейчас к ней, будет что-то объяснять, рассказывать какой я хороший. Потому что у него тоже нет выбора. Потому что мудрость не-

действия — бесплодна. Тот, кто способен отказаться от возможности помочь из боязни повредить помощью, — убит, сломался когда-то.

— Ах, обо всем, — сказал я, будто только что поняв. — Что же, — я улыбнулся. — Будем чуточку умнее. Теперь мы будем еще чуточку умнее. Я сам расскажу в Совете, — сказал я. — И постараюсь добиться, чтобы мне дали выступить по всеобщему вещанию. В тот же день. Так лучше. И лучше — не нужно интервала. Успеют возникнуть слухи, а самое мерзкое, когда о смерти мечты люди узнают из слухов. Нет ничего честнее мечты, и смерть ее тоже должна быть честной. — Я потер ладонями щеки. — Я добьюсь. Ты мне поможешь?

Он медленно кивнул.

— Так я лечу, — сказал он.

— Да, ты говорил, — ответил я. Протянул руку к биоконтакту селектора и попросил: — Кофе сюда.

— Будешь работать? — спросил он.

— Да, посижу немного.

— Она тебе не простит, если ты не поддержишь её сейчас.

— Наверное, — ответил я. — Но если не простит, значит, и хлопотать незачем. Разве я не прав?

— Ты прав — сказал он. — Ты прав, но правота твоя — ни уму, ни сердцу...

Я пожал плечами.

— Ну почему? — отчаянно спросил он. Почему в этой чертовой жизни все так по-дурацки устроено?

— Я и на это могу ответить, — заявил я.

— Ну, ответь.

— Потому что все вот это — я сделал широкий жест, обведя весь окружающий мир, — всё еще куда сложнее, чем укладывается вот здесь — согнутым пальцем я постучал себя по лбу. — Можно, конечно, плюнуть на всё про всё и поплыть по воле волн — и тогда жизнь сразу станет очень простой и гладкой. Но перестанет быть Человеческой, вот в чем штука.

Он опять помотал головой.

— А ты все такой же... Все такой же... Ничто тебя не берет... Понимаешь? Ошибки были, есть и будут, все так, но я... Ведь посмотри: чем сильнее и добрее мы становимся, тем ошибки страшнее. Именно из-за нашего могущества. Наверное, это закон. Но неужели мы будем вечно подчинены ему? — Он запнулся. — Неужели размер и трагичность ошибок всегда — всегда! — будут возрастать пропорционально гуманизму мечты и мощи средств её осуществить?

Он помолчал. Я слышал, как часто, глубоко он дышит.

— Не знаю, понимаешь ли ты это так, как я понимаю. Неужели через сто, двести, тысячу лет люди, решая проблемы, размах и красоту которых мы даже не можем себе представить, будут ошибать-

ся — и даже не так, как мы, а стократ ужаснее? Неужели тоже будут убивать себя, не выдержав разочарования? Неужели так и будут распадаться отношения, калечиться судьбы?..

Я хотел ответить, но он, боясь, что я прерву, заговорил еще быстрее — взволнованно, невнятно и как бы чуть задыхаясь:

— Да Я понимаю. Тот не ошибается, кто ничего не делает, все так, но... Мне дико думать, что реакция мира на нашу ошибку так и будет не уменьшаться, а возрастать. И тех, кто лучше, чище, честнее, добрее, раннее нас... мир будет хлестать во столько же раз больше, во сколько их замыслы будут честнее и благороднее наших. Неужели когда-нибудь наши промахи, наше недомыслие — совершенно естественное, я согласен, не злобное, просто обусловленное уровнем понимания всего вот этого, — он неловко повторил мой широкий жест, — будут взрывать звезды? Сталкивать галактики! Мы потеряли право на ошибки. И мы не можем застраховаться от них, потому что по природе своей не можем не идти вперед. Что же будет? Неужели нет другого пути?

Наверное, можно было бы ответить ему примирительно: мы-де не знаем пока другого пути. Но этим его вопросам нельзя давать жить. Они задавят, если пытаться ответить на них, если будешь все время носить их в душе. Они не дадут работать. Возможную ошибку будешь видеть во всем. И в страхе перед нею не сможешь сделать ни одного движения. Как в параличе.

— Абсолютно безошибочное действие, — медленно произнёс я, — такая же абстракция, как, скажем, — абсолютно твердое тело. Приближение к нему, как и ко всякому идеалу, — асимптотично. Надо работать... корректировать, черт тебя побери, а не философствовать на пустом месте. Использовать каждый шанс, выжимать из каждой мелочи все возможности, чтобы стать хоть чуточку умнее. Потому что лишь это — лишь это, а не прибавление к каждой фразе слова «неужели» — поможет снизить процент ошибок. Понимаешь?!

Я отвернулся и через несколько секунд услышал, как он тяжело затопал к двери, а потом раздался её еле слышный вздох, и стало удивительно тихо.

Я подошел к окну. Окончательно наступила ночь. Бесконечные густые потоки звезд пылали в небе. Я старался не смотреть вверх, не видеть этого чужеродного празднества. Но слишком много было звезд. Слишком были яркие.

И я взглянул. И словно в тот давний миг, когда я понял, что дом мой пуст, у меня стиснулось горло, и мозга коснулось безумие. Но я выдержал. Я выдержал снова.

Я выдержал, но мне нечем было ответить на этот вызов.

Только я понял. Понял, что это не вызов. Что это не злоба. Исполненным гирляндам морозно сияющих галактик, бесчисленным трил-

лионам световых лет мертвой материи, гордой, отчужденной, — одиноко до боли — так же, как и людям. На меня смотрел беспредельный, всемогущий мир, который тоже как только мог старался пробиться к нам. И у него тоже не получалось. Он звал и ждал помощи. А мы были еще слишком глупы, чтобы помочь. И он знал это. И ждал. И я ничего не мог сказать ему в ободрение, кроме маленьких, бессильных и все же единственно верных слов.

«Будем чуточку умнее...»

Мне вдруг стало неприкаянно легко. И я пошел к столу, чтобы попросить еще кофе потому что надо было работать, впереди — только ночь. Следовало точно сверить его и мои расчеты и объяснить все расхождения, какие найдутся, чтобы ни у кого не могло остаться сомнений. И еще — хотя бы приблизительно посчитать, насколько повышается вероятность спонтанной биологизации в галактиках при максимально возможной — пусть пока идеально абстрактной — активности ядер. Надо было что сказать Совету и человечеству, кроме покаяний и оправданий. Надо спешить. Этого хватит до утра. А если я не успею или напутаю, ошибусь, я отложу старт и начну сначала...

конец

Послесловие читателя

Начало.

Всегда было и будет.

После любого конца.

Но нам—то всегда хочется хорошего.

А если очень хочется, то всё возможно...